

**ОБРАЗЫ ОТЧУЖДЕННОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В
АНОНИМНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ВЫСКАЗЫВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ
ИГОРЯ ХОЛИНА «КОСМИЧЕСКИЕ»)**

Служаева О.О.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, кафедра русской и зарубеж-
ной литературы и связей с общественностью
(аспирант 3 года обучения по специальности "10.01.08.
Теория литературы. Текстология")

Работа рассматривает способы формирования художе-
ственного мира антиутопии средствами поэтического языка.
Отдельное внимание уделяется образам гипертрофированной и
фрагментированной телесности, выраженной в поэтических
образах техники. Задачей является рассмотрение связи в рам-
ках лирического произведения категории обыденного с обла-
стью научной фантастики.

*Ключевые слова: телесность, Игорь Холин, антиутопия,
фрагментарность, анонимность художественного высказы-
вания, фантасмагория.*

Цикл стихотворений Игоря Холина «Космиче-
ские» создавался в конце 50-х годов. Это было время
расцвета жанра научной фантастики, как в Америке,
так и в СССР. Мы знаем массу примеров научно-

фантастических фильмов, романов и рассказов тех лет, но для поэзии стихотворения И. Холина являются настоящим исключением. Научная фантастика в условиях малого жанра лирики – скорее редкость, особенно для литературы советского пространства. Газеты конца 50-х годов сосредоточены на воспроизводстве будоражающих новостей о покорении космоса: «В октябре 1957 г. Советский Союз осуществил запуск первого в мире искусственного спутника Земли. На страницах газет рассказывалось о втором и третьем искусственных спутниках, о запуске космических ракет, одна из которых в сентябре 1959 г. доставила на Луну вымпел с Государственным гербом СССР, а в октябре публикуются снимки обратной стороны Луны, переданные с борта автоматической межпланетной станции» [1]. С шестидесятых годов XX века начинается настоящая битва за первенство в изучении и исследовании планеты Марс. Давний миф о возможном существовании жизни на этой планете стал материалом для многих литературных сюжетов и журналистских фантазийных очерков. Именно за сферой ракетостроения в те годы закрепляется образ державной мощи СССР. Такая идеологическая атака возымела необходимый эффект: каждая новая победа в космосе была победой индивидуальной, человек осознавал себя и идентифицировал себя через нее, и таким образом возникало некое народное единство, основанное не столько на чувстве радости от стремительного развития науки и техники, сколько на гордо-

сти победы основного врага и конкурента тех лет – США. Удивительно, что подобный интерес к теме космоса и попытку самоидентификации посредством нее испытывали и жители других стран. Так, Р. Барт рассматривает и подвергает деконструкции марсианскую тему как один из главных мифов западноевропейского общества середины XX века. Он пишет, что производство летающих тарелок приписывали то ли СССР, то ли марсианам. Жители Марса воспринимались между двумя конкурирующими державами – США и СССР – в качестве третьей и главной силы. Обыватели, ученые, газетчики выдвигали предположения об устройстве жизни на Марсе и сходились во мнении, что на небе все устроено так же, как на Земле, то есть по подобию капиталистического мира: "Любой миф с неизбежностью тяготеет к суженному антропоморфизму и хуже того — к антропоморфизму, который можно было бы назвать классовым" [1; 72].

Для поэтов-концептуалистов, конкретистов и представителей Лианозовской школы, к которым, несомненно, можно отнести творчество Игоря Холина, нарратив такого рода представлял особый интерес. Все они так или иначе работали с дискурсом повседневности, взламывая его всеми известными средствами авангардной поэзии. Для "певца баракров" Игоря Холина сложно представить более интересный материал, нежели космическая химера, битва миров, некритично воспринятая сознанием человеческих

масс. Как мы уже отметили выше, национальная объединяющая идея становится не только предметом гордости для советских граждан, но и новой мифологией страны, наделенной своими героями и законами. Работая с языком советских будней, Холин активно воспринимает зарождающуюся на его глазах фантазийную реальность и преломляет ее, творчески исследуя. Интерес для него представляет, прежде всего, сам акт коммуникации, речевые построения героев, которые осуществляются теперь уже на межпланетном уровне. Домыслы, разговоры и фантазии, те, что возникают за пределами официальной печати в свободном воображении жителей СССР, материализуются в канве стихотворных сюжетов, образующих цикл.

Поэтический язык стихотворений механистичен, точен и резок. Автор отсылает читателя к заголовкам газет, утверждавшей мечте о завоевании космоса и обывательскими представлениями об этом. Окружающий куцый быт послевоенного времени трансформируется в небольшие повествовательные зарисовки из жизни инопланетных существ. Люди, предметы, машины, инопланетяне тождественны между собой. Жизнь марсиан будущего оказывается не привлекательней жизни земной, она повторяет современную Холину советскую действительность, с помощью гротеска доводит ее до абсурда:

Марсианская новелла
Уголовное дело
Директор Ки
Пропил казенные сапоги
Оператор Ху
Информатор Ли
Знали
Но не донесли
Заключение
Ху и Ли
В заключение
Ки
Не дожидаясь приказа
Распятъ на воротах базы
[10; 77].

"Советский народ-победитель и его гегемон – так называемый пролетариат разных возрастных и профессиональных градаций – и был одновременно и строитель, и обитатель барака" [5]. В этом смысле бытование поэта аналогично бытованию обывателя, ибо деятельное участие в жизненном процессе, стремление к созиданию не гарантируют снятие статуса маргинала. Известный миф о поэте-пророке и великом интерпретаторе равен человеческому мифу о тайнах жизни инопланетных цивилизаций:

Вы думаете
Этот блестящий
Предмет
Стиральная
Машина
Ошибаетесь
Я поэт
Единственный на Венере мужчина
[10; 97].

Нельзя оставить без внимания и сам факт превращения образа неба, как некоего сакрального, высшего, божественного и потому непознаваемого рациональным способом абсолюта, – в бытовой, смешанный с земным, знакомым и оттого надоевшим, и в итоге – в профанный плоский мир:

1958 век
Человек
Бог
Иванов
В возрасте 175 лет
Представителями всех планет
Избран
Президентом Галактики
Народ восхищен
Новизной
Его
Политики

Он
Приказал уничтожить
Созвездие скорпиона
Кому-то объявил войну
[10; 60].

Автомат-полубог
Проглотил
Старый сапог
Началась отрыжка
Выскочила сберегательная книжка
[10; 84].

Синтез антонимичных понятий – высокого и низкого, в прямом смысле, как сочетание далекого космоса и быта московских окраин, мечты и реальности, их уравнивание, – черты, свойственные неофициальной поэзии тех лет. Всеволод Некрасов в одном из немногих действительно лирических стихотворений "И я про космическое" обращается к своим детским воспоминаниям о голоде военных лет: *"Полечу или нет - не знаю / До Луны или до звезды / Но Луну я пробовал на язык / В сорок первом году в Казани"* [6; 143]. Еда, необходимая для телесной жизни, более призрачна, нежели далекие галактики. Эта отчужденность самого малого делает близким невероятное. Как переживание близости Бога, возникающее лишь в пограничных состояниях. В поэзии Некрасова присутствует метафизический прорыв уже на уровне композиции поэтического текста. В поэзии Холина сарка-

стически отчаявшийся субъект повествования не дает повода для надежд, поскольку уже свершившаяся вечная жизнь, как сквозной мотив всего цикла, отсылает читателя к бесконечному ужасу, конец которому не наступит:

Технический
Космический комитет
Заседал
400 лет
Наконец
Ожил зал
Товарищ Моторов
Доказал
Что Вселенная
Это овал
[10; 97].

Образ тела в поэзии Холина всегда анатомически раздроблен, его так же, как и человеческую жизнь, наполненную бытовыми проблемами и мелкими ссорами, невозможно помыслить целостно. Есть возможность осознать и изучить лишь отдельные его части. Использование в стихотворениях парцелированных конструкций в сочетании с фрагментированным образом тел придает текстам экспрессивную окраску и позволяет сделать вывод о довольно высокой степени эмоциональной вовлеченности лирического субъекта по отношению к главному объекту изобра-

жения – межгалактической разобщенности человека с пространством, временем и собственным телом: *Кибернетический век / Человек Пришел / На вокзал / Вам куда / В Кабул / Нет / На созвездие Ориона / Хорошо / Проходите в кабину / Сейчас / Мы вас разложим / На электроны / И отправим в Космос / В виде радиосигналов* [10; 67].

Среди героев поэтических текстов Холина – марсианские женщины, академики, работающие с радиом и создающие агрегаты-универсалы, робот-людоед, говорящие камнедробилка и землечерпалка, кибернетические аппараты. Создается ощущение, что именно академики и ученые управляют сложным миром будущего, но постепенно оказывается, что господство тоталитарного дискурса является единственной достоверной реальностью: *"Академик Бердин / Получил орден / Создал Агрегат-универсал / На стул сел / Помолодел"* [10; 61]. Людям науки остается лишь поле технических экспериментов, результаты которых, во-первых, не всегда оправдывают надежду, а во-вторых, лишены автономии от всеохватывающего взора правительства. В этой иерархии героев поэтических текстов автору отводится роль вездесущего анонимного наблюдателя.

Газетные новости и слухи – основные выразители дискурса власти. Эти новости по авторскому замыслу аккумулируют ученые, ученых контролирует государство, государство же становится неким априорным абсолютом, существующим по инерции в про-

странстве космоса. До обывателей информация доходит искаженно, они по-своему ее интерпретируют: *"Мне говорили / Сказала старуха / На Луне / Построили ухо / Величиной / С территорию Эквадора / Скоро / Можно будет / Подслушивать / Все разговоры"* [10; 100]. Некоторые стихотворения построены именно по законам жанра рекламного текста или циркулярных телеграмм:

Девушка
Вашей мечты
Можете с ней на ты
[10; 90].

Всем
Всем
Всем
Предупреждение
1. На острове
Голубой риф
Произошел
Атомный взрыв
[10; 63].

Давление
Миллион атмосфер
Температура пока
ТЧК
ТЧК

ТЧК
Стоп
[9; 66].

Подобная инвентаризация и регламентация проявляется и при воссоздании телесных образов, за которыми не угадывается личности:

Луч – глаз
Реле – мозг
Рычаги – руки
[9; 63].

Жак Рансьер, рассуждая о первичности литературных интенций перед науками, так или иначе связанными с изучением человека, общества, писал: "Перейти от великих событий и действующих лиц к жизни безымянных, обнаружить симптомы той или иной эпохи, общества или цивилизации в ничтожных подробностях обыденной жизни <...> – это сначала литературная, а уже потом научная программа. <...> Это в первую очередь эстетическая логика некоторого типа зримости, каковой упраздняет, с одной стороны, шкалы величин изобразительной традиции, а с другой – ораторскую модель речи – в пользу прочтения знаков на теле вещей, людей и обществ" [7; 35]. И дальше: "...обыденное становится прекрасным как след подлинного" [7; 36].

В произведениях Игоря Холина обыденное не обладает магией очарования. Смещение обыденного с фантастическим делает первое еще более отталкивающим, поскольку, дистанцируясь, проявляет свою идейную и стилистическую уродливость.

На материале научно-фантастических стихотворных зарисовок Холин проводит социологическое исследование современного ему общества. В цикле стихотворений можно увидеть явные черты антиутопии. Так, Б.А. Ланин в статье "Анатомия литературной антиутопии" выделяет следующие ее признаки:

1. Наличие спора с утопией или с утопическим ее замыслом.
2. Псевдокарнавал как структурный стержень антиутопии.
3. Присутствие карнавальных элементов.
4. Эксцентричность героя, живущего по законам аттракциона.
5. Главенствующая роль ритуала в изображаемом обществе.
6. Установление государством тотального контроля над сферой чувственного, эротического.
7. Почти басенная аллегоричность.
8. Отражение в антиутопии утопии.
9. Связь с научной фантастикой.
10. Сложные временные характеристики, схожие с жанром научной фантастики.
11. Пространство власти довлеет над пространством личным.

12. Атмосфера страха [4; 154-163].

Стихотворения цикла «Космические» отвечают всем вышеперечисленным требованиям. Отсутствие единой системы персонажей и общей сюжетной линии не становятся препятствием для создания художественного мира антиутопии, поскольку он существует лишь в качестве чертежа, наброска реального. Карнавальность проявляется даже на уровне явной интертекстуальной связи с популярным фильмом 1956 года «Карнавальная ночь». По сюжету фильма на новогоднем вечере должна прозвучать неуместная лекция о жизни на Марсе. Противостоящие ретрограду-директору молодые ударники культурного труда придумывают различные уловки, чтобы не допустить такого исхода событий. В итоге нетрезвый ученый задает веселой шумной публике вопрос и сам же на него отвечает: «Есть ли жизнь на Марсе? Нет ли жизни на Марсе? Это науке неизвестно. Наука еще пока не в курсе дел». Один из фильмов Оттепели находит свое отражение в стихотворении И. Холина:

Лектор Аванесян
Прочитал лекцию
Есть ли любовь
У венерцев
У марсиан
Оказалось
Нет
[10; 96].

Такая инверсия выражения, ставшего крылатым у массового зрителя, представляет собой один из элементов слагаемого образа автора, выраженного эксплицитно. Автор пессимистично смотрит на современность и будущее, которое выглядит неизбежным наступлением на самость.

В августе 1966 Холин записывает в дневнике: "Мне кажется, что стихи должны отвечать трем правилам:

- 1) Крепкие по форме;
- 2) Эмоциональные;
- 3) Интеллектуальные" [9].

По замыслу самого автора стихотворения должны создаваться как своеобразный интеллектуальный поэтический удар. Для авангардного искусства такие принципы являются более или менее постоянными. Все же авторская установка позволяет нам сделать вывод о намеренной демофилогизации дискурса повседневности.

В поэтической действительности цикла И. Холина герои-обыватели сосуществуют с машинами и неземными существами, некоторые являют собой смешанный тип. Пространство места действия никак не описано. Окружающий мир не задан, читателя погружают в пустоту, в межпланетный вакуум. Лирический субъект показывает воплощенные схемы жизнепостроения в каком-то ином измерении: *«Объявление / Московский институт / Машиностроения / Прини-*

мает / На физико-математический факультет / Лиц / Не моложе / 175 лет» [10; 60].

Поэт Генрих Сапгир в одном интервью связывает форму стихотворений Игоря Холина с его анатомией, подчеркивая тем самым их живую физиологичность: "Холин нашел... Такую запись стиха, которая была бы очищена от всего. Один скелет. Как он сам: длинный, высокий, с торчащими скулами и квадратным лбом - такой и стих у него" [3].

Физиологичной оказывается не только форма, но и содержание. Нагромождение связанных между собой тел: человеческих, марсианских, тел-роботов, тел-машин. Они соединяются в одно коллективное тело, не имеющее формы и границ. Это тело доступно трансформациям: его можно превратить в порошок, затем в тесто, разложить на электроны, научить саморазмножению, из "образины Ниночки" создать красоту.

Объект описания состоит из коллажных зарисовок, фрагментов, соткан из медийных представлений о будущем: *"Господа / Заглянем вперед / В 3961 год / Перед нами Дворец / В нем / Один жилец / Что-то вроде / Гипнопотама / Еда – вода / Постель – солома / Половой орган огромен / До неприличия / Голова – бычья / Одна губа / Один глаз / С одним веком / Представьте / Эта тварь / Называется Человеком"* [10; 96].

Автор не дает никакой информации о так называемой духовной жизни героев, не создает полноцен-

ных образов. Лирический субъект достаточно нейтрален, отстранен от объекта описания, он предлагает нам документальные зарисовки происходящего. Авторская установка на дистанцированность от лирического повествования приводит лирического субъекта к *анонимности художественного высказывания*. Лирическое "я" в цикле "Космические" отсутствует. Перед нами уже не поэтическое «я» первой волны русского авангарда, совмещающее в себе множество идентичностей и получившее широкое распространение в поэзии XX века. В цикле "Космические" лирическое "я" попросту отсутствует. Мы видим летописца будущего, хроникера современности, несуществующего автора. Научно-фантастический дискурс автор использует для создания большей объективации и остранения от языка и событий поэтического ряда. В то же время научное и фантастическое сосуществуют в рамках стихотворений как обывательские дискурсы 50-х годов XX в.

Цикл "Космические" являет собой механистичные зарисовки механистичного будущего. Примечательно то, что цикл создавался спустя несколько лет после цикла «Жители барака», тем не менее, если в первом случае речь шла о жителях подмосковных окраин, а во втором, о фантазийном будущем последующих тысячелетий, результаты исследований реальности Холина оказались вполне сопоставимыми. Все герои находятся внутри бытовых историй, не имеющих четкого выхода в экзистенцию. Получается, что будущее

не решит сущностных вопросов, а, напротив, лишь обострит их. Вероятно, так проявляется сущность памяти. Если человек следует лишь за стремлениями к техногенному прорыву, то его неминуемо сопровождает разочарование: *"Внимание / Внимание / На Венере совершено / Преступление / Ограблен / Супермар / В провинции Катанга / Похищено / Несколько миллионов рублей / Убито 18 англичан / И один еврей / Полиция / Сбилась с ног / Не знает что делать / Грабители задержаны / Но с ними / Ничего невозможно поделать / Главарь банды / Директор / Департамента пропаганды"* [10; 62].

Поэзия Игоря Холина – искусство о фрагментированном человеке будущего, в котором, если судить по оптимистичным новостям, его ждет торжество научного прогресса и вечная жизнь. Механистичные описания этой жизни говорят о гегемонии телесности и явлении чистого разума. Диалоги и персонажи столь гипертрофированы, что не остается сомнений в попытке создать антиутопию с помощью поэтических средств.

Следует также отметить, что И. Холин, как и другие поэты его круга, сотрудничал с детскими журналами. В те годы тема космоса была очень популярна и активно получала всестороннее рассмотрение на страницах подобных изданий. Рассказы с изображениями космонавтов-героев, публикации детских рисунков. Эта дополнительная реальность отвлекала людей от обыденного, заменяла будничное сомни-

тельным абсолют, мечтой, категориями, не имеющими внутренних возможностей для придания иных или дополнительных содержательных мотивов жизни, кроме уже существующих. Если для взрослых космос становился предметом для фантазий, то для ребенка – способом формирования идентичности. Мифы о новом поколении людей – покорителей космоса поэт последовательно разрушает.

Холин укладывает народные устные мифы о небе и Земле будущего в один текст и получает ответ – на небе та же самая реальность – и это главное разочарование героев стихотворений и читателя. Единственное позитивное отличие – это почти отсутствующие на земле неземной красоты женщины, но и они оказываются фикцией: *"Пара марсиан / Она / Молочный жбан / Он / Маховик / Неплохой мужик / Поэт / Половых органов нет / Вместо них / Гладкое место / Совокупляются / При помощи жеста"* [10; 62].

Сексуальность нового мира оказывается бессильна пробудить чувства, вызвать эмоцию. Ведь интимная жизнь также механизирована, а тело раздроблено на анатомические части: *"Марсианки изумительны / Обаятельны / Предупредительны / Тело / Сделано / Из особого материала / Гайки / Болты / Никелированы / Ноги / Изумительной красоты / Грудь / Эмалированы / Отклонений от нормы / Два / 1. Голова / В форме бутылки / 2. Половой орган / Находится на затылке"* [10; 78].

Язык больших научных свершений обрастает новыми терминами, уводит нас в фантазмагорию. Слом бодрого ритма послевоенной эпохи, косноязычие, бесконечная увертюра – вот итог растянутому в бесконечность пространству и времени. Автор, соединяя дискурсы обывательских представлений о космосе с детскими фантазиями о далеких мирах и окружающей реальностью, создает фантастический художественный мир поэтического цикла. Анонимность художественного высказывания позволяет описываемым сообществам отчужденных тел, погруженных в мещанский быт, свободно балансировать в иллюзорном пространстве фантазмагоричного поэтического текста.

Литература

1. Барт Р. Из книги "Мифологии" // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1989. С. 49–134.

2. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики: учебное пособие [Электронный ресурс]. - М.: Флинта: Наука, 2002. URL: <http://evartist.narod.ru/text8/13.htm> (дата обращения: 25.06.2016).

3. Кукулин И., Сапгир Г. Развитие беспощадного показа. (О творчестве Игоря Холина) // Независимая газета. 15 окт. 1999.

4. Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 154-163.

5. Маневич Г. Человек из барака [Электронный ресурс] // *Арион*. 1994. № 4. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1994&number=129&idx=2487> (дата обращения: 25.06.2016).

6. Некрасов Вс. Детский случай. 1958-2008. М.: Издательство «Три квадрата», 2008. – 216 с.

7. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 264 с.

9. Холин И.С. Дневники [Электронный ресурс] // *Зеркало*. 2013. № 41. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2013/41/5h.html> (дата обращения: 25.08.2016).

10. Холин И.С. Избранное. Стихи и поэмы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 320 с.

11. Черкасов Р.В. Репрезентация тела в "Космических стихах" Игоря Холина // *Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всерос. науч.- методолог. семинара (Самара, 12 мая, 2011) / М-во культуры РФ, ФГБОУ ВПО "СГАКИ"*. Самара: ООО "Книга", 2012. – 288 с.